

Алена Яворская

«Какой-то поэт однажды сказал...»

Иван Бунин и Анатолий Фиолетов

27 ноября 1918 около 4-х часов дня выстрелом в упор был убит инспектор уголовно- розыска отделения, студент 4-го курса Натан Шор, двадцати двух лет от роду. Он погиб, «выслеживая на «Толчке» важного преступника».

Казалось бы, что общего между милиционером и писателем? Между Натаном Шором и Иваном Буниным?

21 апреля 1919 Иван Бунин записал в дневнике.

«Сейчас (8 часов вечера, а по «советскому» уже половина одиннадцатого) закрывал, возвратясь с прогулки, ставни: ломоть месяца, совсем золотой, чисто блестит сквозь молодую зелень дерева под окном на очистившемся западном небе, тонком и еще светлом.

Вышел в семь, поминутно дождь, похоже на осенний вечер. Прошел по Херсонской, потом завернул к Соборной площади. Еще светло, а уже все закрыто, все магазины, – тягостная, тревожащая

Анатолий Фиолетов (Натан Шор). 1916

душу пустота. Пока дошел до площади, дождь перестал, шел к собору под молодой зеленью уже зацветающих каштанов, по блестящему мокрому асфальту. Вспомнил мрачный вечер «первого мая». А в соборе венчали, пел женский хор. Вошел и, как всегда за последнее время, эта церковная красота, этот остров «старого» мира в море грязи, подлости и низости «нового», тронули необыкновенно. Какое вечернее небо в окнах! В алтаре, в глубине, окна уже лилово синели – любимое мое. Милые девичьи личики у певших в хоре, на головах белые покрывала с золотым крестиком на лбу, в ру-

Анатолий Фиолетов. 1900-е гг.

ках ноты и золотые огоньки маленьких восковых свечей – все было так прелестно, что, слушая и глядя, очень плакал. Шел домой – чувство легкости, молодости. И наряду с этим – какая тоска, какая боль!

<...> Пишу при светильнике, – масло и поплавок в банке. Темь, копать, порчу зрение.

В сущности, всем нам давно пора повеситься – так мы забиты, замордованы, лишены всех прав и законов, живем в таком подлом рабстве, среди непрерывных заушений, издевательств!

Какое самообладание
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования!

Милый мальчик, царство небесное ему! (Это шуточные стихи одного молодого поэта, студента, поступившего прошлой зимой в полицейские, – идейно – и убитого большевиками! – Да, мы теперь лошади очень простого звания».

Бунин ошибся – студент уголовного розыска Натан Шор поступил в уголовный розыск еще весной 1917, после Февральской революции, и убит был не большевиками, а бандитами.

Впрочем, поэт Анатолия Фиолетова Бунин впервые узнал еще в 1916. А появился поэт Фиолетов на свет двумя годами ранее, в 1914.

Именно в начале 1914 два друга – гимназист Натан Шор и реалист Эдуард Дзюбин – разыграли два цвета – фиолетовый и багровый. И появились два поэта – Фиолетов и Багрицкий. Сводная сестра, Эльза Рапорт, писала о брате: «...поэт, взявший псевдоним Анатолий Фиолетов. Он был очень нежный и тихий мальчик. Писал инфантильные стихи».

В июне 1914 поэт Фиолетов выступал на организованном Петром Пильским и Александром Биском вечере молодых поэтов. В газетах писали: «Главная заслуга вечера, что он показал публике двух молодых, еще нигде не печатавшихся, но, безусловно имеющих право на внимание поэтов – гг. Багрицкого и Фиолетова».

Участник того же вечера, Валентин Катаев, писал в воспоминаниях: «Петр Пильский открыл прекрасный способ зарабатывать деньги. Он выбрал группу «молодых поэтов» и возил нас все лето по увеселительным садам и дачным театрам, по всем этим одесским ланжеронам, фонтанам и лиманам, где мы, неуклюже переодетые в штатские костюмы с чужого плеча, нараспев читали свои стихи изнемогающим от скуки дачникам.

Сам же Пильский, циничный, пьяный, произносил вступительное слово о нашем творчестве, отчаянно перевирая не только названия наших произведений, но даже фамилии наши. Денег он нам, разумеется, не платил, а выдавал только на трамвай, и то не всегда».

В действительности молодые поэты выступали не только на «фонтанах и лиманах», и не только в 1914.

26 апреля 1916 в Литературно-артистическом клубе состоялся седьмой вечер молодых поэтов. Правда, из семи выступавших молодыми можно было назвать лишь Багрицкого, Исидора Бобовича и Фиолетова. Остальные были как минимум лет на десять старше и уже имели определенное имя. Вступительное слово о современной поэзии произнес Габриэль Гершенкройн.

Анатолий Фиолетов, Эдуард Багрицкий, Габриэль Гершенкройн. 1917

Из отчета Литературно-художественного клуба:

«Авторами были прочитаны свои произведения.

Э. Багрицкий – «Дионис», «В пути», «Рудокоп».

И. Бобович – «Гомер», «Филоктет», «Искатели жемчуга».

А. Горностаев – «Вчера рояль стоял не замкнут», «Глубоким утром», «Сыр-Бор».

В. Инбер – «Рай», «Небо стало меньше и уютней».

С. Кесельман – «Рыбачья песня», «Праздник», «Андерсен».

П. Сторицын – «Успокоение», «О Польше», «Из цикла «Памятники».

А. Фиолетов – «Щелкунчик и мышинный князь», «Художник и лошадь».

Этот вечер посетил проездом через Одессу поэт И.А. Бунин».

Наверное, именно тогда Иван Алексеевич впервые услышал стихи молодого поэта.

Щелкунчик и мышиный князь

Щелкунчик в нарядном лиловом камзоле
На елке подарен был маленькой Оле.
Щелкунчика взоры горели отвагой,
И он, опоясанный тонкою шпагой,
В лихой треуголке, с косичкой немецкой,
Пленил окончательно кукол из детской.
Случалось, колол он зубами орешки,
И куклы, конечно, всерьез, без насмешки,
Шептали друг другу восторженным тоном:
«Как много в нем общего с древним Самсоном!»
Однажды Щелкун волновался безмерно,
Увидев, что мыши в тулупчиках скверных
По детской среди ночи нахально шныряют
И куколок спящих пребольно кусают.
Тогда из гусар в панталончиках красных,
А также китайцев, ужасно моргавших
Косыми глазами, он выбрал наилучших,
И с доблестной ратью вояк столь могучих
Щелкун, не бояся мышей ни на йоту,
К ним в стан посылает военную ноту.
Едва только куклы об этом узнали,
Их красные щеки от слез полиняли.
Одна из них с именем нежным: Агата,
Прижавши Щелкунчика к персям из ваты,
Воскликнула: «Ах, у меня сердцебьенье!»
И тотчас лишилася чувств от волненья.
Щелкунчик снял пояс с девичьего стана,
Сказав: «Я в бою забывать не устану
Агату, мою дорогую подругу,
И сим пояском повяжу себе руку».
Затем он отправился в бой... И, конечно,
С мышами сражался вполне безупречно.
Солдаты из пушек горохом стреляли,
Трусливые мыши метались, пищали,
И вскоре, услышав, что князь их в порфире,

Захваченный в плен, умоляет о мире, –
Постыдно покинули поле сраженья,
Тем самым признавши свое поражение.
Щелкунчик отпраздновал шумно победу,
Мышиного князя зажарив к обеду,
За то, что захваченный ловко в охапку,
Щелкунчика нос изувечил он лапкой.
Щелкунчик, понятно, краснел и стыдился,
Но вскоре с изъязном своим примирился
И с доброй Агатою зажил счастливо,
Хоть нос и синел, как французская слива...

Художник и лошадь

Есть нежное преданье на Нипоне
О маленькой лошадке, вроде пони,
И добром живописце Канаоко,
Который на дощечках, крытых лаком,
Изображал священного микадо
В различных положеньях и нарядах.
Лошадка жадная в ненастный день пробралась
На поле влажное и рисом наслаждалась.
Заметив дерзкую, в отчаяньи великом
Погнались пахари за нею с громким криком.
Вся в пене белой и вздыхая очень тяжко,
К садку художника примчалась вмиг бедняжка.
А он срисовывал прилежно вид окрестный
С отменной точностью, для живописца лестной.
Его увидевши, заплакала лошадка:
«Художник вежливый, ты дай приют мне краткий,
За мною гонятся угрюмые крестьяне,
Они побьют меня, я знаю уж заранее...»
Подумав, Канаоко добродушный
Лошадке молвил голосом радушным:
«О бедная, войди в рисунок тихий,
Там рис растет, там можно прыгать лихо...»

И лошадь робко спряталась в картине,
Где кроется, есть слухи, и поныне.

Об этой встрече не осталось никаких записей – ни у Бунина, ни у Веры Муромцевой.

Петр Сторицын, выступавший на вечере, финансировал издание альманахов, в которых печатались стихи Фиолетова. Сторицын активно рекламировал альманахи и щедро дарил всем литераторам. Подарил ли он Бунину, трудно сказать.

Но в любом случае после бегства в Одессу летом 1918 Бунин не мог не услышать о Фиолетове, хотя бы от Валентина Катаева, часто у него бывавшего. В записях Веры Николаевны подробное описание встречи с Катаевым, примерно через месяц после приезда Буниных в Одессу:

«30 июня / 13 июля.

<...> Пришел Катаев. Я лежала на балконе в кресле. Ян вышел, поздоровался, пригласил Катаева сесть со словами: «Секретов нет, можем здесь говорить». Катаев согласился. Они сели. Я лежала затылком к ним и слушала.

После нескольких незначущих фраз Катаев спросил:

– Вы прочли мои рассказы?

– Да, я прочел только два, «А квадрат плюс Б квадрат» и «Земляк», а больше читать не стал, – сказал с улыбкой Ян, – так как подумал: зачем мне глаза ломать? Шрифт сбитый, да и то, что на машинке переписано, тоже трудно читать, и я понял из этих вещей, что у вас несомненный талант, – это я говорю очень редко, и тем приятнее мне было увидеть настоящее. Боюсь только, как бы вы не разболтались. <...>

Я искоса посматриваю на Катаева, на его темное, немного угрюмое лицо, на его черные густые волосы над крепким невысоким лбом, слушаю его отрывистую речь с небольшим южным акцентом».

И Катаев, и Фиолетов (несмотря на службу в уголовном сыске), выступали на вечерах «Студенческого Литературно-художественного кружка». И, возможно, тогда же, Бунин прочел или услышал одно из самых цитируемых стихотворений Фиолетова «О лошадях».

О лошадях

1

На улицы спустился вечер зябкий
И горестно мерцал в овальных лужах.
Сновали исполнительно лошадки,
Стараясь заслужить, как можно лучше,
Физическим трудом свой скромный ужин.
Уныло падал дождь, сочась из тучи,
И лошади, зевавшие украдкой,
Шептали про себя: «Как будет сладко,
Домой часов в двенадцать воротившись,
Овес сначала скушать, утомившись,
Затем уснуть, к коллеге прислонившись...»

2

О, сколько самообладания
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования!

А в ноябре Анатолий Фиолетов (Натан Шор) был убит. В записях Буниных нет упоминаний об этой гибели. Как нет и упоминаний о состоявшемся 4 декабря заседании кружка «Среды».

Об этом кружке стоит сказать несколько слов. В Литературно-артистическом обществе, продолжавшем действовать все время Гражданской войны, литераторы оказались в меньшинстве. Остроумный выход из положения нашел Натан Инбер. Александр Биск вспоминал: «Инбер подал своим единомышленникам идею: устроить государство в государстве. Так образовался литературный кружок «Среда», просуществовавший примерно с конца 1917 года до самой смерти Литературки, последовавшей в январе 1920 года... Наши лозунги были: уйти в подполье, спастись от адвокатского красноречия, которым были полны общие собрания Литературки.

<...> Мы действительно ушли в подполье, нам был предоставлен подвальный этаж с отоплением, освещением, прислугой, канцелярскими принадлежностями и т. д. Все это было, конечно,

не вполне законно, т. к. не было статута, на основании которого часть членов общества могла забаррикадироваться в помещении, принадлежащем всему обществу. И, однако, это произошло, и я даже не помню протестов по поводу этой узурпации прав остальных членов общества.

Председателя в «Среде» не было, мы учредили Исполнительное бюро из четырех лиц: Ната Инбера, Габриэля Гершенкройна, меня и Алексея Толстого. Я упоминаю Толстого на последнем месте, ибо его участие было чисто номинальное, вся работа лежала на нас троих. Наше трио составило список будущих членов «Среды». Фильтровка была, в смысле строгости, совершенно фантастическая. Мне просто стыдно вспомнить сегодня некоторые имена тех, кого мы забаллотировали. Достаточно сказать, что количество членов «Среды» никогда не превышало сорока. Каждый член «Среды» имел право ввести на собрание не более двух гостей. Это соблюдалось с необычайной строгостью, поэтому собрание никак не могло насчитывать более 120 человек. Можете себе представить, какой бум поднялся в Одессе, падкой на всякую сенсацию. Люди, которые никогда не интересовались никакими лекциями, разбивали мой телефон, чтобы попасть на собрание «Среды»; публика толпилась у входа в чайнию попасть на Собрание, но напрасно: мы были неумолимы. Мы хотели замкнуться в себе, уйти в чистую литературу: читать свои произведения, разбирать их, без красноречия, косноязычно, но добираться до истины».

7 декабря «Одесские новости» сообщили об очередном собрании литературного кружка «Среда»: «Состоявшееся в среду 4 декабря собрание кружка «Среда» было особенно многолюдным. Кружок посетили и многие приезжие литераторы, как И.А. Бунин, граф А.Н. Толстой и др.

Председательствовавший А.А. Биск сделал краткое сообщение о трагически погибшем поэте Анатолии Фиолетове и прочел несколько его стихотворений. Память Фиолетова была почтена вставанием».

Александр Биск, который был одним из организаторов первого вечера «молодых поэтов», эмигрировал с женой и маленьким сыном Анатолием. Анатолий Биск стал Аленом Боске, француз-

ским поэтом, и отец писал в посвященной сыну книге: «Судьба устроила так, что ты, французский поэт, и я, русский поэт, пишем на разных языках: не единственный ли это случай в мировой литературе, оказавшийся возможным в злосчастную первую половину двадцатого века?».

В злосчастной первой половине не счесть тех, кто оказался в эмиграции. Тяжелый путь для большинства начинался из Одессы, из города, который казался последней надеждой на нормальную жизнь, а оказался последним городом родины.

Вера Николаевна записала 20 декабря 1918-го: «У нас был Сергей Яблоновский. <...> Он бежал из Москвы, т. к. был приговорен к расстрелу». Сергей Яблоновский – это Сергей Викторович Потресов, известный журналист, театральный и литературный критик. По семейным легендам, участвовал в заговоре в Екатеринбурге с целью освобождения Николая II, за что и был приговорен к расстрелу.

У Яблоновского и Бунина много совпадений в биографии. Оба из старых дворянских семей, родились в один год: Бунин – 10 октября в Воронеже, Потресов – 15 ноября в Харькове. Эмигрировали оба в начале 1920-го: Бунин из Одессы, Яблоновский – из Новороссийска. Умерли в Париже в 1953-м: Бунин – 8 ноября, Яблоновский – 6 декабря.

Отношения их, вначале дружеские, в последние годы жизни стали непростыми. Впрочем, речь не об этом.

К осени 1920-го Бунины уже добрались до Парижа, а Яблоновский оказался в Египте. Оттуда он пишет Бунину:

5/X.[19]20.

Дорогой Иван Алексеевич,

говорит с Вами Сергей Викторович Яблоновский, а Вы ради Бога слушайте внимательно, потому что это не столько письмо, сколько крик почти захлебнувшегося человека.

Живу я с марта в пустыне, в палатке, за колючей проволокой <...> Жену и четверых детей должен был бросить в Ростове без денег и в условиях, при мысли о которых ужасно хочется повеситься.

Написал я отсюда в Париж Алексею Николаевичу Толстому, прося выволить меня из пустыни, и получил в ответ гораздо больше, чем ожидал: Толстой сообщил, что мне высланы деньги на дорогу

И. Бунин. Одесса. 1918

в Париж, что он постарается подыскать мне работу и что его знакомый, Р.А. Кривицкий, хлопочет перед французским министром иностранных дел о разрешении мне въезда во Францию. Затем я получил и деньги, и разрешение; ликовал, готовился к отъезду, но вдруг пришел из Парижа контрордер, отменяющий уже данное разрешение. Это было бы совершенно непонятно, так как ни в моей литературной, ни в политической, ни в какой иной жизни нет для этого данных, если бы не более чем веское предположение, что из Тель-эль-Кебира дали обо мне в Париж дурной отзыв. <...> Я написал графу Толстому в начале августа, потом в начале

сентября, прося выяснить это, – но мои письма точно падают в яму – никакого ответа. Писал я и Кривицкому, но с тем же успехом.

Между тем и раньше плохие условия нашей жизни ухудшаются с каждым днем: все лучшее разъехалось, так или иначе устроившись; сейчас многие отсылаются в Крым (завтра едут с «Херсоном»). Все пустеет и пустеет наш камп. Начинаются холодные ночи, скоро наступит период дождей, и жить в палатке для меня, бронхитика и эмфизематика, станет опасно. Физической работы найти я не могу: в ноябре мне 50 лет, и у меня большая рука. В зависимости от международного положения и англо-египетских дел положение русских беженцев может сделаться совсем печальным.

Иван Алексеевич, у Вас как у художника яркое воображение. Попробуйте вообразить, до чего я стосковался без книг, без газет, без всех условий культурной жизни. Если бы жил не в полотняном конусе, давно бы разбил себе голову об стену. Ради Бога

сделайте для меня, что можно сделать. Если Толстой в Париже, узнайте у него, – что, как и почему. Повторяю, я вою шакалом (которые соревнуются со мною) и, кажется, больше месяца такой жизни не выдержу.

Жду Вашего ответа, как ждут помощи тонущие на корабле. Верьте, повторяю, что это не слова, что я дошел до точки.

Супруге привет. <...>

P. S. Помните, родной, что паспортная моя фамилия, на которую надо брать permis, – Потресов.

Еще раз – выручайте!

Крепко жму руку.

Ваш Сергей Яблоновский»

15 ноября 1920-го, в день своего пятидесятилетия, Яблоновский покидает Египет.

12 июля 1921 года Бунин пишет в альбоме Яблоновского:

«Дорогой Сергей Викторович, какой-то поэт однажды сказал

Какое самообладание
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования.

Дорогой Сергей Викторович, будем подражать этим лошадям!

Ив. Бунин

Париж, Петров день, 1921»

И это последнее известное упоминание Иваном Буниным стихов Фиолетова.

Дорогой Сергей Викторович,
какой-то поэт однажды сказал:
Какое самообладание
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования!
Дорогой Сергей Викторович,
будем подражать этим ло-
шадям!
Ив. Бунин
Париж,
Петров день
1921г.